

Валерий Бодров

Иллюзион

История любви

2022 г

18+

Валерий Вячеславович Бодров

Иллюзион. История любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63470171

SelfPub; 2024

Аннотация

История, которых теперь не случается. А если где-то и происходит подобное, то только в самых далёких уголках человеческой фантазии.

Валерий Бодров

Иллюзион. История любви

Не люблю фокусников. Пыльный угар сцены, софиты в глаза. Трюки с платочками, описанные в каждом журнале для домохозяек и школьников в разделе «Разоблачение» или «Обратная сторона луны». Всё насквозь фальшиво: трость, котелок, уголок платка, торчащий из нагрудного кармана чёрного фрака, потянув за который можно достать следом весь гардероб Екатерины Великой. Даже кролик, величественный Белый Кролик, снискавший уважение самой Алисы, и тот смешон, и забавно дрыгает лапками, когда улыбчивый краснотелый иллюзионист с выбеленным лицом держит его ловкими пальцами за уши. Но, все хлопают, все восторгаются искусному обману. И угораздило же меня, познакомится на отдыхе именно с такой вот личностью. Эдакий обязательный прохиндей, обворожительный зануда, фантасмагорический трюкач, зажигающий пальцами сигарету и краем глаза, собиравший восторг одуроченной публики.

Однако же, вот он сидит напротив за столиком и воодушевлённо рассказывает мне историю своего восхождения на «Олимп» цирковой удачи. Мне-то что до этого? Я слушаю рассеянно, и одновременно потягиваю «Чёрную лошадь» —

мой любимый виски. Нет, он не отвлекает меня от моих мыслей, даже наоборот способствует размышлению, и сопоставлению фактов в моей голове, в моей уже немного пьяной голове. Это, как слушать радио или включить телевизор, когда готовишь себе ужин. Это как дополнение, как антураж выгоревшего за день летнего вечера. Это как средство от скуки, когда тишина рядом уже кажется смертельной.

Да, я сочиняю роман. Роман о любви. Единственное время, между процедурами из синей глины и контрастным душем, позволяющее спокойно поразмышлять над его загадочной фабулой, сегодня совпало с посещением летнего театра, куда мой новый знакомый по гостинице, весьма деятельный и спортивный гражданин с усиками знаменитого бельгийского сыщика, затащил, не смотря на почти безвольное сопротивление с моей стороны. Да, и, в конце концов, нельзя же целыми днями сидеть в номере, довольствуясь только видом синей полосы блестящего бирюзой морского горизонта. Он же, весьма бойко, и представил меня своему давнему приятелю, работнику здешнего ТЮЗа, отрекомендовав, как мастодонта, какой-то там литературы. Я, конечно, поморщился, глядя в свой наполовину полный стакан с бряцавшими там льдинками, но промолчал. Что значат такие незапланированные знакомства? Да ничего, кроме потерянного времени. Только лишь отражение моё, окрашенное пшеничным цветом напитка поморщилось мне в ответ.

Но вот человек напротив обратился ко мне с какой-то

просьбой, предложением ли. Я заметил это потому, что он замолчал и смотрел на меня с неподкупной преданностью интересом и заботой. И чтобы не выглядеть невежливым, я кивнул головой и произнёс с запинкой: «Да, ... да, конечно». На что я согласился? Мне было абсолютно всё равно, ведь ждать от него чего-то серьёзного мне не представлялось возможным, а все остальные его пустые эксперименты меня мало интересовали. Потом мы как бы уже по свойски попрощались. Причём он панибратски похлопал меня по плечу и заверил, что всё будет исполнено в точности, как я и задумал. Почему именно я, что-то должен быть задумать? Какая разница! Лишь бы быстрее уйти. Я уже шёл к выходу из кафе, когда он мне что-то ещё крикнул в след то ли: «...мы перешли на ты...», то ли «...купите цветы...» я уже не слышал.

Следующее утро слишком быстро набрало силу. Не успел я, как следует собраться с мыслями, подпихивая под голову, отошавшую за ночь подушку, и насладиться волной прохлады из настежь распахнутого окна, многообещающий ветерок с моря неожиданно сгинул, забрав с собой последнюю кистеперую дымку, вымершею вместе с ним, как ко мне в номер уже стучался мой усатый приятель. Сегодня он был похож на циркача-силача, обтягивающая в крупную полоску майка, наследие старых цирковых фотографий или казённых ватных матрасов сохранившихся ещё в этой гостинице. И парадно-выходные шорты с липовыми аксельбантами на

боках, намекали на важность мероприятия.

«Мой друг, нас ждут великие дела!» – начал он бодро с порога. И уже на улице, на худенькой каменистой улице, где ещё цыкал в зарослях лавра запоздалый ночной сверчок, я почувствовал, как от жары к спине начинает прилипать рубашка. «Куда же мы так несёмся?» – пытался урезонить его я. Но, он был нестигаем и не располагал к выяснению обстоятельств. «Всё сейчас узнаешь, и это пойдёт тебе только на пользу!» – Бубнил он весело под нос и только ускорял шаг.

По прибытию на место, я был мокр и практически зол. На себя за податливый характер, на него за кипучую и бессмысленную деятельность; на этот душный залитый жарой день, на липкий пластмассовый стул, который он под меня подсунул; на кружку пива, столь не терпимое мною; на осу норовившую проползти по ободку этой кружки; на ватное уханье колонок в соседнем открытом кафе; на... .

Они уже сели к нам за столик, что я по причине своей злой зашоренности не сразу заметил. И пытаясь встать, чтобы уйти, столкнулся с ней чуть ли не лбами.

«Катя?!» – Прошептал я пересохшими вдруг губами и медленно опустился обратно на своё место.

«Знакомьтесь!» – Задорно отрапортовал мой сосед по гостинице, – «это Екатерина, а это Елизавета...», – и посмотрел на меня взглядом победителя. «Мол, куда спешим, куда спешим? Вот сюда и спешим».

И бешено вращавшийся до этого вокруг меня такой бес-

полезный и почти немой мир остановился, замер на мгновение, и потёк плавно по своим выдуманным секундам и минутам. Первое, что я понял: у осы, кружившей вокруг меня – есть звук, потом разнополюый шум по сторонам заставил меня осмотреться. Ритмичная музыка в соседнем кафе перешла на скрипку. Светофор, настойчиво горевший красным в проёмах солнечных зонтиков кафе, сразу перемигнул на зелёный, зашипели колёсами машины за зелёной колючей изгородью. С мангала, стреноженного под раскидистым банановым деревом, потянуло подпалённым мясом и чем-то кисло-сладким. Товарищ мой, яростно жестикулируя, рассказывал сальный анекдот и видимо уже не первый. Елизавета саркастически хохотала. «Боже, чтобы я тут без него делал?» Я почувствовал горьковатый вкус пива на языке и отставил кружку, которую, оказывается, держал в руке. И только после этого всего снова посмотрел на неё, сидящую чуть сбоку от меня.

Она тоже изучала меня знакомым прищуром и улыбалась своей тонкой еле заметной улыбкой. Так улыбаться могла только она, моя Катя.

Что там наша студенческая юность, по сравнению с тем, как она бросила меня, ушла к еврею по фамилии Глаз. Ушла в один день равносильный апокалипсису планетарного масштаба. Я помнил свои бессонные ночи, полурыдания, полустоны – жизнь моя тогда висела на волоске. Я, в периоды особой ревливой ярости, рисовал на листе ватмана этот ми-

фический «глаз» и потом протыкал его всеми ножами, что находил в доме. Как я страдал!! И страдания мои были ещё надрывнее, ещё яростнее, когда она мне мерещилась в толпе или окликала своим голосом с глубокими бархатными нотками среди ночи или окоёме беспомощного дня.

Теперь вот она сидела рядом, и я даже мог дотронуться до неё или что-то спросить, услышав в ответ такой желанный некогда, такой тёплый голос. «Ты замужем?» – «Конечно, как же без мужа...». – «А здесь как?» – «С детьми отдыхаем». «И муж здесь?» «Нет, мы втроём, Анна сейчас с детьми». У меня по спине пробежала толпа безнадежно одурманенных мурашек.

И тут память снова преподнесла мне давно запечатанный на архивных полках сознания сюрприз. Тишина первого молчания в трубку телефона-автомата, клокочущая возня, чужой шёпот. Уязвлённое самолюбие, неожиданное одиночество, познавшее тебя – всё можно было бы описать именно так, если бы не одно, но. С тем, с кем она мне прелюбодеяла первый раз стал недавно моим другом. Моим рыжим нахальным другом. И я к нему приехал потом холодным вьюжным вечером. Адрес тайно узнал в редакции, где мы познакомились и теперь работали вместе. Я скользил от остановки к его захудалому дому на окраине географии, по бесснежным ледышкам на промороженном асфальте и, найдя его квартиру, обошедши барак два раза и чертыхаясь, полным решимости пальцем нажал на кнопку звонка.

Открыла его жена. Представляете, у него была жена! Вытирала руки о передник. Что-то готовила. Из-за подола её выглядывала девочка лет пяти, как выяснилось его дочь. И я, не смог ничего ей сказать – его жене, про его богохульство (он был верующим), и про моё разрывавшееся сердце. Я просто сидел и ждал на кухне под лепет и стряпню приветливой хозяйки. И я дождался его! Встал ему навстречу с молчаливым комком ярости в грудной клетке. Потом стоял и смотрел на него в подъезде у тёплой батареи, готовый броситься и рвать его зубами до крови, до мяса. Он был больше меня в два раза. Так что мог одним ударом решить все надвигающиеся на него проблемы. Но друг мой новый обмяк, присел на корточки, прислонившись спиной к стене и начал говорить о ней, о Кате.

Он говорил, как пронзительно любит её, как вспышка света по имени Катя ослепила его, и он не смог устоять. И он сказал, что не будет просить у меня прощения, потому, что сам бы на моём, а теперь и на своём, месте разорвал любого, кто попробует навредить ей. А ещё, потому что такая женщина не может принадлежать одному человеку. Через час его чувственной аполгии я начал ему верить, а ещё через два мы уже сидели пьяные на замороженной ночной лавочке у подъезда его дома и хлопали друг друга по плечам, жали руки, после того как кому либо из нас удавалось лучше описать словами глаза, губы или её голос. Как два знатока одной сложной темы, сошедшиеся в основных понятиях и смакую-

щие частности, упивающиеся восторгом этих частности до мелочей, которых возможно никогда и не было у предмета обожания.

«Чем занимаешься?» – спросила Катя, и вынула меня этим вопросом из воспоминания. Я что-то начал ей отвечать, а сам не мог полностью выйти из своих или наших общих воспоминаний и продолжал перебирать них со скоростью близкой к предсмертным видениям. Разделился я на двух противоположных людей. Первый, сидящий в моих односторонних воспоминаниях, жаждал мести и чем больше вспоминал, тем больше просыпалась ненависть к прошлому, к времени слёз и разочарований. Второй, сидящий здесь за столиком, слегка опьяневший от встречи, от жары, от вина, которое уже принес и разлил мой активный анекдотичный друг, умиротворённо продолжал беседу и даже смеялся на скабрёзные шуточки, выпускаемые с другой половины стола.

Однажды мы с Катей поехали на шестисоточную дачу к её родственникам. Устроили что-то вроде смотрин для grand-mère и grand-père. Эта картинка застряла в моей голове навсегда: престарелая милота пересаживала нечаянно выросшую не у места яблоньку. Дед метился корневищем в лунку, держась за ствол обеими руками, а мадам-садовод, стоя на коленках, помогала ему оплодотворить матушку-землю. Практически тем же занимались и мы в дощатом домике со старинными комодами и я, с юношеским максимализмом, поглядывая в панорамное окно без занавесей, куда неистово

било полуденное солнце, боялся выпустить из себя головокружительный предательский стон.

Помнишь, как мы забыли в ванной комнате резиновую игрушку похожую на сегмент ливерной колбасы? Мы приобрели её в фойе одной из гостиниц, куда повадились за неимением места для встреч. Там, в преддверии лучшей доли всегда сидели пухлые женщины с оголёнными бутылочными руками и такими же ногами, отороченным короткими оборками, и ожидали незадачливых иностранцев. «Смотри, какая штукавина, вдруг пригодится!» – Сказала ты громко, и нас приняли за своих. Когда я отдавал деньги толерантному администратору со сфинксообразным лицом, он показал мне под стойкой со звонком для вызова ещё более надёжное орудие, намного толще и пупыристее, запечатанное в заводской пластик – фирма. Хорошо, что ты не успела разглядеть этот амбалистый ужас. Орудие пыток не пригодилось по назначению. Мы его использовали для стирки. Засовывали в стиральную машинку для лучшей дрессировки белья, где и благополучно забыли. Тут его и обнаружила твоя развесёлая мать? Представляю эту безнадёжную сцену: маман держит в руках резиновый фаллос и вопрошает: «Чем это ты тут без меня занимаешься? Ты вообще в университет ходишь или нет?» С этих пор мне пришлось предстать пред её светлые очи и повинится. Женщина она была не то чтобы пуританских взглядов, и сама тогда крутила роман с жилищным продолжением, где из целой квартиры ухажёра получалось две

тайные комнаты для свиданий. Одну из которых, мы потом регулярно посещали. Я решился официально просить твоей руки, и, ожидая её у института, где она чертила свои чертежи, был полон решимости. Она вышла не одна, а со своим чичисбеем. Он, явный представитель технической интеллигенции, столь расплодившейся в те времена, слушал мой монолог с какой-то воодушевлённой улыбкой и потом даже пожал мне руку. Как ты кричала на меня тогда, размахивая вечно упругим, но в меру гибким орудием, гонялась за мной по комнате, норовила треснуть меня им по моей забывчивой башке. Всё закончилось тогда в этой же ванной комнате совместной сияющей наготой. «Да выкинь ты эту сосиску, нафиг!» И кафельно-скользкими упражнениями, под шум ниспадающего водопадом душа, после которого, наступало умиротворение и поглощающая всё мировая лень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.